

Российская академия наук
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

**ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА
В ДРЕВНОСТИ
И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ**

Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР
Владимира Терентьевича Пашуто

Выпуск XXXVI

**РОДСТВЕННЫЕ И
КВАЗИРОДСТВЕННЫЕ СВЯЗИ
В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ, ПОЛИТИЧЕСКОЙ,
КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ И КУЛЬТУРНОЙ
ЖИЗНИ**

Москва
2024

Russian Academy of Sciences
INSTITUTE OF WORLD HISTORY

**EASTERN EUROPE
IN ANTIQUITY
AND THE MIDDLE AGES**

Annual Conference in Memory of V.T. Pashuto

Volume XXXVI

**FAMILY AND QUASI-FAMILY
RELATIONS IN ECONOMIC, POLITICAL,
CONFESSIONAL AND CULTURAL LIFE**

Moscow
2024

ББК 63.3
В 782

Редакционная коллегия:

д.и.н. Е.А. Мельникова (ответственный редактор)

к.и.н. Е.В. Литовских (ответственный секретарь)

к.и.н. Ю.А. Артамонов

д.и.н. Т.В. Гимон

д.и.н. Т.Н. Джаксон

к.и.н. Т.М. Калинина

к.и.н. М.А. Курышева

д.и.н. И.Г. Коновалова

к.филол.н. В.И. Матузова

к.и.н. И.М. Никольский

д.и.н. А.В. Подосинов

д.и.н. Л.В. Столярова

д.и.н. А.С. Щавелев

В 782

Восточная Европа в древности и средневековье. Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто. Выпуск XXXVI. Родственные и квазиродственные связи в экономической, политической, конфессиональной и культурной жизни / Отв. ред. Е.А. Мельникова. – М., 2024. – 228 с.

Выпуск содержит статьи, представленные в качестве докладов на очередных, XXXVI Чтениях памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто, посвященных в этом году многообразию родственных и квазиродственных связей и их роли в различных аспектах жизни. Эта проблематика раскрывается на материале европейских и азиатских обществ Древности и Средневековья, включая Восточную Европу и Древнюю Русь.

ISBN 978-5-94067-558-7 © Институт всеобщей истории РАН, 2024 г.
© Авторы, 2024 г.
© Редакционная коллегия, 2024 г.

- Isidori Hispalensis Episcopi Etymologiarum sive Originum libri XX / Ed. by W.M. Lindsay. Oxford, 1911. Vol. 1, 2.
- M. Verrii Flacci quae extant: et Sexti Pompeii Festi De verborum significatione libri XX // Ex editione Andrae Dacierii. L., 1826. T. 1 (lib. I–XIV).
- Perelló C.A.* Problems Concerning *familia* in Early Rome // Roman Legal Tradition. Vol. 4. 2008. P. 37–45.
- Saller R.P.* “Familia, Domus”, and the Roman Conception of the Family // Phoenix. 1984. Vol. 38, No. 4. P. 336–355.
- Saller R.P.* Paterfamilias, Materfamilias, and the Gendered Semantics of the Roman Household // Classical Philology. 1999. Vol. 94, No. 2. P. 182–197.

А.Ю. Виноградов

РОЛЬ БРАКА В ФОРМИРОВАНИИ ПРЕДАНИЙ О КРЕЩЕНИИ ВЛАДИМИРА СВЯТОСЛАВИЧА

Рассказ древнерусских летописей о крещении Владимира Святославича принадлежит к небольшой группе нарративов, где обращение и крещение языческого правителя происходит в связи с его женитьбой на христианской принцессе и даже благодаря увещаниям ее самой и прибывших с ней клириков. Однако в других подобных случаях (Хлодвиг, Эдвин Нортумбрийский, Мешко I) крещение правителя имеет место через некоторое время после заключения брака, тогда как здесь оно предшествует ему и даже становится его условием, что не позволяет считать данный мотив обычным литературным топосом. Однако летописный рассказ о крещении и исцелении ослепшего Владимира благодаря совету его невесты Анны Багрянородной рассматривается как поздняя вставка и сторонниками «Корсунской легенды», и теми учеными, кто возводит корсунский рассказ «Повести временных лет» (далее: ПВЛ) и Новгородской I летописи младшего извода к своду Никона 1072 г. или своду 1060-х гг.

А.А. Шахматов (1908. С. 133–149) предположил существование «Корсунской легенды», которая включала в себя описание бóльшей части событий в Корсунни (кроме некоторых элементов осады), другие «корсунские» пассажи летописи, а также рассказ о женолюбии Владимира, и была интегрирована в летопись составителем Начального свода (далее: НС) 1090-х

гг. (из-за чего в тексте появились нестыковки) вместо первоначального рассказа о крещении князя в Киеве, отразившегося в «Памяти и похвале князю русскому Владимиру» Иакова Мниха (после 1051 г.) и полемических заметках редактора ПВЛ. Однако если Шахматов считал рассказ о слепоте Владимира, совете Анны и исцелении князя изначальной частью «Корсунской легенды», то, по словам Н.И. Милютенко (2008. С. 92, 164, 257–260), он «мог входить в нее изначально, а мог появиться в составе летописи». Она также увидела след редактирования текста в двукратном отправлении Анны (хотя в реальности второй эпизод не дублирует первый, но завершает вставную «новеллу» о горькой разлуке¹) и попыталась найти следы «Корсунской легенды» в проложном житии Владимира (на самом деле просто изменяющем – как и другие его жития – текст ПВЛ, см.: Введенский 2023. С. 128–175).

Другой подход к генезису корсунского рассказа летописи предложил А.А. Гиппиус (2008; 2012. С. 55–56), который счел его частью эволюционирующего летописного повествования о крещении Владимира и Руси. В рассказе о самом крещении (заменившем собой древнюю версию крещения Владимира в Киеве, как и у Шахматова) он не видит следов «ядра» («Древнего сказания»), которое отразилось в истории выбора вер, но лишь два более поздних слоя. В своде 1060-х гг. (= свод Никона 1072 г.) появился рассказ о походе Владимира на Корсунь и его крещении там, а вот рассказ о крещении киевлян, уничтожении идолов и строительстве церквей Гиппиус первоначально приписывал целиком составителю НС, однако позднее отнес к тому только агиографические и гомилетические вставки, тогда как сам рассказ, следовательно, появился тоже в своде 1060-х гг. Независимо от Милютенко Гиппиус отнес к «церковным» вставкам НС также рассказ о болезни и исцелении Владимира.

Развивший гипотезу А.А. Гиппиуса А.М. Введенский (2023. С. 139–142) попытался обосновать возникновение этого рассказа именно в НС распределением в его тексте энклитики *ся*. Однако здесь оно не слишком показательно: на 3 постпозиции *ся* приходится 5 таких случаев в предыдущей части корсунского рассказа, а в препозиции *ся* используется лишь в положении после *аще*, которого нет на данном отрезке текста. Исследователь считает

вставкой составителя НС и фрагмент от «Си слышавъ Володимеръ» до «къ тебе сестру твою», хотя в действительности он лишь продолжает обмен посланиями между Владимиром и императорами, которые боятся обмана со стороны русского князя, обещающего креститься в точное не определенное время. Более того, здесь есть отсылка к истории испытания вер из предшествующего слоя летописи, которая выглядит логичней для дополнявшего последний составителя свода 1060-х гг./1072 г., чем для создателя НС.

Решить вопрос о происхождении сюжета со слепотой Владимира, советом Анны и его исцелением в купели помогает повторяющийся мотив корсунского рассказа – троекратный обет князя креститься, оформленный по уникальной модели «се слышавъ Володимер рече»² и даваемый в одинаковых условиях – после обращения ромея: после письма Анастаса, послания императоров и совета Анны. Этот сквозной мотив должен принадлежать одному слою повествования, а такое возможно лишь в том случае, если данный рассказ не был вставкой НС: действительно, его стиль мало похож на риторические вставки в историю крещения киевлян. В таком случае вся основа рассказа о крещении Владимира и киевлян восходит к своду 1060-х гг./1072 г.

Как же этот вывод влияет на общую картину развития древнерусского нарратива об обращении и крещении Владимира и Руси? Если корсунский рассказ летописи восходит к 1060-м – началу 1070-х гг., то он не уступает по древности версии Иакова Мниха, а его источники еще древнее, что подтверждается присутствием его сюжетов в ранних текстах о Владимире. Рассказ о слепоте и прозрении русского князя после крещения передает Петр Дамиани (до 1072 г.). Связь крещения Владимира с женитьбой на византийской принцессе подчеркивают Асохик (1004–1005) и Яхья Антиохийский (1034–1055). На роль увещаний византийской принцессы-невесты в крещении Владимира указывает Титмар Мерзебургский (до 1018 г.). Всё это заставляет признать, что предание о роли Анны Багрянородной и брака с ней в крещении Владимира существовало уже в начале XI в.

Однако взятие Корсуни в контекст крещения и женитьбы Владимира помещают только древнерусские источники, а вне

Руси его упоминает лишь Лев Диакон, и то по совсем иному поводу. Конечно, на роль корсунского клира и реликвий в христианизации Киева указывают как другие летописные статьи, имеющие раннее происхождение, в т.ч. упоминание Анастаса в 1018/19 г., так и древняя русская традиция, связанная со св. Климентом и упоминаемая даже Иаковом Мнихом. Но в ранних восточных источниках (у Асохика и Яхъи) крещение Владимира связывается не с взятием Херсона, а с договором о помощи русского войска императорам, как и его брак с Анной (последний – и у Иоанна Скилицы), тогда как в летописи посылка русского войска в Византию оказалась перенесена в статью 980/81 г. и снабжена легендарными деталями. Эта версия крещения Владимира в связи с женитьбой на византийской принцессе (отразившаяся частично и у Титмара) – самая ранняя с точки зрения содержащих ее источников.

В связи с этим можно предложить иную реконструкцию эволюции нарративов о крещении Владимира Святославича.

1. Вначале крещение киевского князя представлялось условием для заключения его брака с Анной Багрянородной в связи с договором о помощи русского войска императорам против Варды Фоки. Эту традицию отражают независимые друг от друга Асохик и Яхъя, а частично (без военного союза) также Титмар и русские летописи.

2. На следующей стадии в русской традиции, вероятно, под влиянием корсунского клира, место похода в Малую Азию (перенесенного в другой контекст) в нарративе о браке и крещении Владимира занял поход на Корсунь (бывший изначально проявлением той вражды Руси с империей, о которой упоминает Яхъя). Эта связка событий отразилась в своде 1060-х гг./1072 г. и (без крещения) у Иакова Мниха, однако сохранившееся в летописи указание на связь крещения Владимира с его браком показывает, что данная традиция старше середины XI в. Она могла быть как отдельной легендой, так и частью древнейшего летописного текста (например, «Древнейшего сказания» 1016/17 г.).

3. Не позднее середины XI в., т.е. в эпоху формирования новой христианской идентичности Руси при Ярославе Владимиро-

виче, развилась другая традиция, согласно которой крещение Владимира «патриотически» отрывалось от женитьбы на византийской принцессе (возможно, помимо прочего, из-за происхождения Ярослава от другого брака Владимира) и похода на Корсунь. В ее рамках появляется нарратив о поисках Владимиром истинной веры и даже о божественном его обращении, который отразился как у Иакова Мниха и в «Слове о законе и благодати», так и в летописном «ядре» (первая половина – середина XI в.). Судя по молчанию Иакова и Илариона, место крещения князя в этой традиции было прямо не указано (вопреки общему мнению исследователей).

4. Составитель свода 1060-х гг./1072 г., дополнив эту историю «испытания вер» новыми «христианскими» сюжетами (вставками в рассказ о посольствах и беседой с Философом), соединил ее со старой, корсунской версией крещения Владимира и добавил повествование о крещении киевлян (возможно, также более раннего происхождения).

5. НС 1090-х гг. еще сильнее «христианизировал» этот нарратив 1060-х – начала 1070-х гг., дополнив «церковными» вставками.

6. Судя по ПВЛ, в начале XII в. бытовали альтернативные предания о крещении Владимира: в Киеве и Василеве, однако редактор ПВЛ, слегка дополнив текст НС, в рамках своей «историзирующей» тенденции полностью маргинализировал эти версии.

Что же касается самого мотива христианской жены, уговаривающей языческого правителя креститься, то в традиции Владимира он, очевидно, присутствовал с самого начала, как показывает Титмар, и попал в летопись через корсунскую версию его крещения, сформировавшуюся, по всей видимости, не позднее конца 1010-х гг.

Примечания

¹ Сцена прощания с родней Анны, боящейся уезжать на чужбину, чтобы стать женой варварского правителя, находит параллель в сцене прощания Марии, дочери императора Христофора, ставшей женой болгарского царя Петра (*Симеон Логофет. Хроника. 136, 51*).

² В ПВЛ она встречается еще лишь раз, в беседе Владимира с Философом: «Си слышавъ, Володимиръ плюну на землю, рекъ: “Нечисто есть дѣло”».

Литература

- Введенский А.М.* Сюжеты о христианизации Руси в Повести временных лет и в составе Пролога. Дис. ... канд. филол. наук. М., 2023.
- Гиппиус А.А.* Крещение Руси в Повести временных лет: к стратификации текста // ДРВМ. 2008. № 3 (33). С. 20–23.
- Гиппиус А.А.* До и после Начального свода: ранняя летописная история Руси как объект текстологической реконструкции // Русь в IX–X веках: археологическая панорама. М.; Вологда, 2012. С. 37–63.
- Милютенко Н.И.* Святой равноапостольный князь Владимир и крещение Руси. Древнейшие письменные источники. СПб., 2008.
- Шахматов А.А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908.

Т.В. Гимон

ЗАПИСИ О РОЖДЕНИЯХ В ДРЕВНЕРУССКОМ ЛЕТОПИСАНИИ XII в.

Любой специалист, занимавшийся генеалогией и биографиями древнерусских князей, знает, что, к счастью, сохранились летописные известия о рождении многих из них, однако, к сожалению, далеко не всех. В ряде исследований 2000–2010-х гг. летописные известия о рождениях удостоились – как кажется, впервые – специального источниковедческого внимания.

Т.Л. Вилкул (2003) отметила неестественную периодичность рождений сыновей Ярослава Мудрого, а также смертей некоторых Рюриковичей в «Повести временных лет» (далее: ПВЛ): через два года на третий. Исследовательница объяснила это тем, что данные известия были расставлены по годам ретроспективно, на одном из этапов сложения ПВЛ, вероятно, при Владимире Мономахе. По мнению Вилкул, летописец стремился «выстроить Ярославичей по старшинству в определенном порядке» (Там же. С. 114), причем, вероятно, осознанно искажал реальность. Соображения Т.Л. Вилкул вызвали критику А.В. Назаренко (2016. С. 636–638), отчасти справедливую, однако не отменяющую главного наблюдения исследовательницы: трое Ярославичей – членов известного «триумвирата» (Изяслав, Святослав, Всеволод) – родились, согласно ПВЛ, с периодичность через два